

АНДРЕЙ ШАЦКОВ

ОТРАЗИЛИСЬ ЗВЁЗДЫ В ИОРДАНЕ...

СКАЗ О КРЕЩЕНИИ

От дневного и ночного страха,
Боже, в этот вечер упаси...
Береги с младенчества рубаху,
В коей ты крещался на Руси.

Караулит храмы строгий ельник.
Переметы снега вдоль дорог.
Ты мне в этот сказочный сочельник
Подари “крещенский вечерок”.

Говори приветливые речи.
На полке разбери постель...
Темнота. Во тьме пылают свечи,
И гудит крещенская метель.

Кислою капустой и грибами
Пахнет так, что напрочь выноси...
Отразились звезды в Иордане,
Отразились в Истре, на Руси.

ШАЦКОВ Андрей Владиславович родился 1 декабря 1952 года в Москве. Автор десяти поэтических книг. Член Союза писателей России и Международного союза журналистов. Кавалер ордена преподобного Сергия Радонежского РПЦ и многих литературных премий. Главный редактор альманахов “День православной поэзии. 2008”, “День поэзии. 2007, 2009, 2010”. Проживает в Москве и в Рузе.

И грядет нечаянная встреча.
Крестный ход застынет у ворот:
Уж не сам ли Иоанн Предтеча
В валенках по улице идет?

И ворон не устранившись стаи,
На крыло опершись, не спеша,
Кроткий голубь к проруби слетает.
Чтоб бессмертной сделалась душа!

И бредя в крещенском снеговее,
Только скажешь: "Господи, спаси.
Хорошо живется в Галилее.
Широко живется на Руси!"

СОН О ВЕРБНОМ

Новый год. Сугробы выше кровель.
Но наперекор календарю
Тетерев токует, выгнув брови,
Прозревая вешнюю зарю.

Свет небесный — холоден и скуден.
Беспокоен снега океан,
Словно знает: день придёт — не суден.
Вербною любовью осиян.

И стремясь из тесной колыбели,
Подчиняясь солнцу и теплу,
Краснотал и чернотал в апреле
Выбросят пушистую стрелу.

И народ поднимется на взгорок,
На взлобок, угор и старый холм.
Чтоб на миг увидеть древний город
И в воротах — путника с ослом.

И сердца откроются Мессии.
Но минует время вещих снов...
И снегов достанет у России,
И дорог — к подножию крестов.

ЛИТИЯ

Растёт снеговáя короста.
Промерзла на сажени твердь.
Глазам воспаленным не просто
Глядеть в леденящую смерть...

Наверное, скоро не будет
Ни ночи, ни белого дня.
И Бог беспристрастно рассудит,
Но всё ж не оставит меня.

И я полечу над лугами
В сиреневый неба прогал,
Навстречу к ушедшим — и к маме,
Чьи руки в гробу целовал.

И тихо рассеется дымка
Печали прощальных минут.
И отроки — Ромка и Димка
Собравшись, отца помянут.

И молча закроют, без стука
В бессмертье отверстую дверь.
И жаль — не рожденного внука
Обнять не придётся теперь.

И знать: изведется твой корень,
Иль мощным побегом взойдёт?
Я стану — хранителем в горе,
Заступником горним — за род!

И видеться будет свысо́ка,
Сквозь марево м́нувших дней:
Усталые вои Боброка
Купают в Непрядве коней!

НА РУЗСКОМ ПОЛЕ

Я Рuzское поле забыть — до конца не смогу:
Кладбищенский взгорok, лошину и ленту реки.
Церквушку в известке на дальнем крутом берегу.
И ласточек стаю, вспорхнувшую из-под стрехи.

И в небе бездонном, крутой заложивши вираж,
Уходят они в пепелящую солнца жару...
Я знаю, что этот знакомый до боли пейзаж
Из памяти вычеркнуть — нет,
никогда не смогу.

И хоть за него не дадут половины гроша,
Который веками копился в дорожной пыли,
Я знаю, что здесь проживает поэта душа.
И словно стрекозы, склоняет к земле ковыли.

Которых всё меньше и меньше в России с тех пор,
Как двинулась к Дону от Рузы комонная рать.
И скрылся из глаз с крепостным частоколом угор.
И внёс летописец уставную запись в тетрадь.

“Воскреснет Господь, и его расточатся враги.
И встретит со славой, вернувшихся в пору, посад...”
На Рuzское поле ложатся былого шаги,
И реют хоругви шелковые
воинства над!

ДВАДЦАТЫЙ...

Снег скрипит! Скрипит январский снег.
Пёрышко скребётся по бумаге.
Словно вновь пришёл двадцатый век,
Очередь заняв в универмаге.

Фантики, хлопушки, пастила,
Синий шевиот официоза...
Ёлка настоящей была —
Со смолой, застывшей от мороза.

Дворник гордо нёс свою метлу,
Деревенский дворник — дядя Федя.
Тёплый хлеб давали ко столу,
И компоты — школьникам в буфете.

И трещали доски у бортов:
Шло с Канадой вечное сражение.
И в хоккейной шапочке — Бобров
Поражал игрой воображенье...

Милый, неуклюжий и больной,
С коммунальной толчëй в квартире,
Где ты мой двадцатый — золотой,
С орденом Победы на мундире!?

Где ты, чёрно-белое кино?
“Огоньков” эфирная программа.
Голуби, соседи, домино
И такая ласковая мама,

Что теперь глядит издалека,
В деревянной рамочки квадрате...
Век двадцатый — это на века!
На другие — времени не хватит!